

РЕЛИГИОЗНЫЯ ОСНОВЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ.

Человѣчество переживаетъ въ настоящее время одинъ изъ тягчайшихъ и глубочайшихъ идейныхъ кризисовъ, когда либо имъ испытанныхъ. Старыя вѣрованія пришли въ упадокъ и не имѣютъ власти надъ сердцама; новой вѣры не видно — человѣчество не знаетъ больше, къ чему оно должно стремиться, для чего жить, какія начала оно должно воплощать въ жизни. Такъ какъ послѣдняя провѣрка міровоззрѣнія есть его приложеніе къ жизни, опытъ согласной съ нимъ жизни, то этотъ идейный кризисъ отчетливѣе всего обнаруживается въ фактѣ общественной безъидейности и общественнаго невѣрія. На словахъ или въ отвлеченномъ размышленіи большинство людей какъ будто еще имѣютъ какую-то вѣру: одни вѣрують въ христіанство, другіе — въ науку, третьи — въ человѣка и т. п. Но мало у кого осталась та цѣльная, подлинная вѣра, которая узнается по ея плодамъ: вѣра, опредѣляющая все поведеніе человѣка, выражающаяся въ ясномъ и непосредственномъ пониманіи добра и зла, должнаго и недопустимаго, въ личной и общественной человѣческой жизни. Но если въ области личной жизни, давнишніе многовѣковые навыки еще оставили какой то слѣдъ въ привычкахъ, какъ бы инстинктивныхъ оцѣнкахъ и современныхъ людей, если мы — почему-то — и теперь убѣждены, что убивать, красть, прелюбодѣйствовать нехорошо, а любить людей, быть воздержнымъ, уважать чужія права и т. п. — хорошо (хотя и тутъ часто мы вѣримъ въ это только на словахъ, а въ жизни обнаруживаемъ сомнѣнія въ незыблемости этихъ оцѣнокъ, а тѣмъ болѣе не имѣемъ вѣрной и обоснованной оцѣнки въ сколько нибудь сложныхъ вопросахъ нравственной жизни) — то въ области общественныхъ идеаловъ современная мысль являетъ картину совершенной растерянности. Послѣдній могущественный общественный идеалъ, который еще такъ недавно волновалъ и зажигалъ сердце — социализмъ — въ настоящее время окончательно рухнулъ; его ложность и призрачность для всѣхъ искренне вѣрующихъ людей одинаково изобличены и въ его прямолинейномъ осуществленіи въ Россіи, превратившемъ русскую жизнь въ адъ, и въ трусли-

вомъ отреченіи отъ него въ рѣшительный моментъ, происшедшемъ въ силу какого-то непосредственнаго инстинкта самосохраненія, въ средѣ европейскихъ социалистовъ. Отнынѣ люди, подлинно ищущіе правды и не закрывающіе глаза на дѣйствительность, вѣроватъ въ социализмъ болѣе не могутъ. А всѣ другіе общественные идеалы были подточены и потеряли свою жизненную силу еще раньше; никто уже не можетъ подлинно, всей душой вѣроватъ ни въ «демократію» съ ея «свободой» и «равенствомъ», ни въ «прогрессъ», ни въ «просвѣщеніе». И если многіе, испытавъ это разочарованіе, какъ бы механически отталкиваясь отъ всего, что раньше почиталось «лучшимъ», болѣе «передовымъ» и «идеальнымъ», по инерціи откатываются назадъ и хотятъ воскресить основы старой жизни, говорятъ о возрожденіи «монархіи», о «священномъ правѣ собственности», о правомѣрности сословныхъ привилегій, — то эта вѣра «отъ противнаго» не есть настоящая вѣра, не понимаютъ, что всѣ эти старыя начала сами поносились на какой-то непосредственной цѣльной вѣрѣ, были плодомъ общаго міровоззрѣнія, которое именно и отсутствуетъ въ душахъ современныхъ людей, — и что ихъ поэтому нельзя заново склотить изъ ихъ обломковъ, а можно только взрастить въ душахъ людей, для чего нужно именно соответствующее, отсутствующее теперь, зерно общей вѣры.

Этотъ жестокой и какъ будто безысходный кризисъ общественной вѣры, во всей своей дѣйственной силѣ обнаружившійся послѣ войны и русской революціи, когда человѣчество почувствовало себя потерявшимъ дорогу и зашедшимъ въ тупикъ, въ чисто идейномъ отношеніи подготовлялся уже давно, въ рядѣ господствовавшихъ общественно-философскихъ теченій. Изъ нихъ мы укажемъ здѣсь лишь на одно, въ этомъ смыслѣ, быть можетъ, главнѣйшее: на укрѣпившійся въ связи съ успѣхомъ историческаго знанія и проповѣдуемый втеченіе послѣдняго вѣка, какъ высшее завоеваніе человѣческаго знанія, и с т о р и ч е с к і й р е л я т и в и з м ъ. Тщательное и пристальное изученіе прошлаго, привело къ убѣжденію, которое раньше было неизвѣстно, — къ убѣжденію въ полномъ своеобразіи эпохъ, ихъ міровоззрѣній, жизненныхъ идеаловъ и укладовъ. Отсюда возникло утвержденіе, что не существуетъ и не можетъ существовать вѣчныхъ, истекающихъ изъ самой природы человѣка и изъ неизмѣнной воли Божіей, неизблемыхъ законовъ и началъ общественной жизни: каждая эпоха живетъ, мыслить и вѣритъ по своему, такъ это есть, такъ это только и можетъ быть, и потому такъ и должно быть. Усмотрѣніе реальности историческаго развитія, исторической измѣнчивости есть, конечно, большое и цѣнное достиженіе человѣческой мысли, которое и практически можетъ дать многое для осмысленія жизни. Но когда оно принимаетъ форму историческаго релятивизма, когда оно ведетъ къ забвенію или отрицанію вѣчныхъ и неизмѣнныхъ началъ жизни, то оно ведетъ къ нигилизму, къ невѣрію. Подобно тому, какъ человѣкъ, дошедшій до Протагоровскаго сознанія, что каждый человѣкъ думаетъ по своему и что «истина то, что каждому кажется истиной», самъ не можетъ имѣть никакой

истины, не можетъ уже ни во что вѣрить, такъ и эпоха, дошедшая до сознанія, что каждая эпоха думаетъ и живетъ по своему, с а м а уже ни о чемъ не въ состояніи думать и не знаетъ, какъ е й надо жить. Пренія эпохи жили и вѣрили, нынѣшняя обречена только *знать*, какъ жили и во что вѣрили пренія. Пренія эпохи не въ силахъ были понять порядки и вѣрованія, противорѣчившіе ихъ собственнымъ. Мы теперь можемъ понять все — потому, что не имѣемъ н и ч е г о собственного; или, наоборотъ, потому, что мы поняли в с е, мы потеряли с в о е; во всякомъ случаѣ, широта пониманія и научная объективность искуплена здѣсь совершенной безличностью и безхарактерностью. И съ горечью начинаемъ мы усматривать, что именно потому, что мы понимаемъ в с е, чѣмъ жили пренія эпохи, мы не понимаемъ одного, самаго главнаго: какъ онѣ могли в о о б щ е ж и т ь, какъ удавалось имъ вообще в ѣ р и т ь в о ч т о л и б о. Такъ обнаруживается, что для того, чтобы какая либо эпоха (какъ и отдѣльная личность) могла имѣть свое особое лицо, свой своеобразный обликъ, она должна прежде всего вѣрить не въ свое собственное своеобразие, а во что-то вѣчное и абсолютное; что пренія эпохи имѣли исторію именно потому, что онѣ не потопили въ знаніи исторіи с в о е й вѣры и воли. Онѣ творили исторію, а намъ остается только изучать ее. И если исторія не остановилась и въ наши дни, то не потому, что мы ее творимъ, а только потому, что о н а если не творить, то несетъ н а с ъ; безсильные создать и утвердить нашу собственную жизнь, мы не имѣемъ даже и покоя неподвижности. Мутные, яростные потоки стихійныхъ страстей несутъ нашу жизнь къ невѣдомой цѣли; мы не творимъ нашу жизнь, но мы гибнемъ, попавъ во власть непроевѣтленнаго мыслью и твердой вѣрой хаоса стихійныхъ историческихъ силъ. Самая многосвѣдущая изъ всѣхъ эпохъ приходитъ къ сознанію своего полнаго безсилія, своего невѣднія и своей беспомощности.

Въ такомъ духовномъ состояніи самое важное — не забота о текущихъ нуждахъ и запросахъ дня и даже не историческое самопознаніе; самое важное и первое, что здѣсь необходимо — это усиленіемъ воли и мысли столкнуть съ себя обезсиливающее навоеженіе релятивизма, вновь проникнуться сознаніемъ, что е с т ь, подлинно есть вѣчные неизблемые законы и начала человѣческой жизни, установленные самимъ Богомъ и вытекающіе изъ самаго существа человѣка, и попытаться вспомнить хотя бы самыя основныя и общія изъ этихъ началъ. Нужно понять, что — хотимъ ли мы того или нѣтъ, знаемъ ли мы то или нѣтъ — жизнь наша управляется нѣкими независимыми ни отъ какихъ человѣческихъ представленій, не подчиненными никакой модѣ и никакимъ историческимъ вѣяніямъ божественными началами, и что отъ насъ зависитъ не создавать или измѣнять ихъ, а только либо знать ихъ и сознательно направлять по нимъ нашу жизнь, либо, не вѣдая, нарушать ихъ и гибнуть отъ карающихъ послѣдствій нашего невѣднія и нечестія. Мы должны вспомнить вѣчныя слова Божественнаго законодателя Израилю: «Заповѣдь сія, которую я

заповѣдаю тебѣ сегодня, не недоступна для тебя и недалеко. Она не на небѣ, чтобы можно было говорить: «кто взошелъ бы для насъ на небо, и принесъ бы ее намъ, и далъ бы услышать ее, и мы исполнили бы ее?» И не за моремъ она, чтобы можно было говорить: «кто сходилъ бы для насъ за море, и принесъ бы ее намъ, и далъ бы намъ услышать ее, и мы исполнили бы ее?» Новесьма близко къ тебѣ слово сіе; оно въ устахъ твоихъ и въ сердцѣ твоёмъ, чтобы исполнить его. Вотъ я сегодня предложилъ тебѣ жизнь и добро, смерть и зло... Если же отвратится сердце твое и не будешь слушать и заблудишь..., то я возвѣщаю вамъ сегодня, что вы погибнете... Въ свидѣтели предъ вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложилъ я тебѣ, благословеніе и проклятіе. Избери жизнь дабы жилъ ты и потомство твое» (Второзак. 30: 11-19). Мы должны вспомнить слова древняго мудреца, который въ то же давнее время услышалъ отзвукъ этой божественной заповѣди и возвѣстилъ ее Эллинамъ: «Человѣческой нравъ не имѣетъ вѣдѣнія, лишь божественный его имѣетъ... Кто хочетъ говорить съ разумомъ, долженъ укрѣпиться тѣмъ, что обще всѣмъ, какъ городъ — закономъ, и еще того болѣе. Ибо всѣ человѣческіе законы питаются единымъ божественнымъ закономъ. Онъ повелѣваетъ всюду, довлѣетъ всему и все побѣждаетъ». (Гераклитъ, fr. 114 Diels). И мы должны вспомнить слова Божественнаго Спасителя: «Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ; не нарушить пришелъ Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вамъ: доколѣ не пройдетъ небо и земля, ни одна іота и ни одна черта не пройдетъ изъ закона, пока не исполнится все». (Матѣ. 5:17-18).

Въ нижеслѣдующихъ строкахъ дѣлается попытка, исходя изъ элементарныхъ, всякому доступныхъ свойствъ человѣческаго общежитія, путемъ философскаго анализа, но лишь въ афористической сжатой формѣ намѣтить нѣкоторыя изъ самыхъ общихъ началъ, незыблемо лежащихъ въ основѣ всякаго общественнаго устройства, и тѣмъ съ одной стороны пробудить въ современномъ сознаніи забытую мысль о самомъ н а л и ч і и такихъ вѣчныхъ началъ, и съ другой — содѣйствовать усвоенію ихъ содержанія, хотя бы лишь въ самыхъ общихъ очертаніяхъ... Этотъ анализъ не претендуетъ ни на полноту ни на логическую законченность; онъ представляетъ лишь какъ бы программу необходимыхъ размышленій о забытыхъ вѣчныхъ основахъ общественнаго бытія.

1.

Въ основѣ всякой общественности лежитъ элементарный фактъ или начало **с о л и д а р н о с т и**, непосредственнаго единства многихъ, сопринадлежности отдѣльныхъ людей къ нѣкому единому «мы». Постоянно повторяющіяся — начиная съ Эпикура или даже съ софистовъ, а въ особенности въ новое время, съ Гоб-

бса — попытки человеческой мысли отвергнуть это начало и утверждать возможность общественности на почвѣ одного лишь разумнаго согласованія единичныхъ эгоистическихъ воль въ корнѣ ложны и несостоятельны. Прежде всего, такое утверждение само по себѣ остаѣтся софизмомъ: никакъ нельзя вразумительно доказать, что человѣку для его личнаго интереса полезно, напр., умереть для защиты родины, или даже воздержаться отъ обмана, воровства и насилія и тамъ, гдѣ они могутъ пройти незамѣченными и ненаказанными. А затѣмъ нужно еще показать, какъ возможно такое согласованіе воль: вѣдь для него необходимо воспріятіе чужой воли, непосредственное живое отношеніе къ нѣкому «ты», а послѣднее — какъ это легко было бы показать — уже предполагаетъ привычное сознаніе принадлежности къ «мы». «Мы» есть лоно, изъ котораго произрастаетъ и въ которомъ утверждено всякое отношеніе между «я» и «ты». Всюду въ жизни, гдѣ какое либо «я» почему либо не имѣетъ живой интуиціи «ты» черезъ сопринадлежность обоихъ къ общему «мы», общеніе становится невозможнымъ, какъ бы полезно оно ни было: таково, напр., отношеніе къ члену чужого народа, какъ къ «гою», «нечистому», «басурману» и т. п. Другой человѣкъ можетъ быть здѣсь въ лучшемъ случаѣ использованъ, какъ орудіе или животное, но «общенія» съ нимъ быть не можетъ. Всѣ теоріи, выводящія какія либо формы общенія изъ сочетанія индивидуальныхъ эгоистическихъ воль, ложны: даже типически утилитарное общеніе на почвѣ экономическаго обмѣна предполагаетъ элементарную солидарность, довѣріе между людьми, иначе оно либо вообще невозможно, либо гибнетъ, выражаясь въ попыткахъ взаимнаго ограбленія. Всякое общеніе предполагаетъ какое то единство быта, нравственныхъ понятій, — словомъ, какое то взаимное «пониманіе», наличіе «общаго языка» — въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ слова; и эта общность сама никакъ не можетъ «произойти» изъ сочетанія разрозненныхъ воль, потому что это сочетаніе ее уже предполагаетъ. Безъ этой общности нѣтъ ни семьи, ни экономическаго сотрудничества, ни государства. Такъ великій нравственный принципъ: «люби ближняго, какъ самого себя», хотя бы въ ослабленной умаленной формѣ простого у с м о т р ѣ н і я въ другомъ человѣкѣ «ближняго», «себѣ подобнаго», воспріятія его, какъ «ты», т. е. связаннаго со мною и тождественнаго «мнѣ» существа, съ участію котораго связана м о я участь — есть незыблемая и вѣчная основа, безъ которой немислимо никакое общество; и всяческій новѣйшій «индивидуализмъ», что бы онъ ни проповѣдывалъ и сколько бы относительной истины въ немъ ни заключалось, не можетъ нарушить или отмѣнить этого перваго и основнаго начала общественности.

2.

Столь же безспорно, однако, въ основѣ общенія лежитъ и другое, въ извѣстномъ смыслѣ противоположное начало: начало личной с в о б о д ы, самодѣятельности

и спонтаннаго самообнаруженія индивидуальнаго «я». Какую бы роль въ общественной жизни ни игралъ моментъ принужденія, внѣшняго давленія на волю, — въ послѣднемъ итогѣ участникомъ общественности является все же личность, спонтанно дѣйствующая индивидуальная воля. Она есть единственный двигатель общественной жизни, и въ отношеніи ея все остальное въ обществѣ есть передаточный механизмъ. Существовали общества, основанныя на рабскомъ трудѣ, и фактически во всякомъ обществѣ есть люди, доведенные до рабскаго состоянія; но тогда они и не являются участниками и дѣятелями общественной жизни. Никакой дисциплиной, никакимъ жесточайшимъ давленіемъ нельзя замѣнить спонтаннаго источника силъ, истекающаго изъ глубины человѣческаго духа: самая суровая военная дисциплина можетъ только регулировать и воспитывать, а не творить воина — его творитъ только свободная воля къ подвигу. Жизненное существо общества есть именно индивидуальная человѣческая воля, которая по самому существу своему не можетъ не быть свободной. Человѣкъ есть именно «образъ и подобіе Божіе» и *не можетъ быть* превращенъ въ вещь или въ механическую силу, дѣйствующую только подъ ударомъ или давленіемъ извнѣ. Всякая попытка парализовать индивидуальную волю, поскольку она вообще осуществима, приводитъ къ потерѣ человѣкомъ своего существа, какъ образа Божія, тѣмъ самымъ ведетъ къ параличу и омертвѣнію жизни, къ гибели общества, вмѣстѣ съ человѣкомъ. Всякій деспотизмъ можетъ вообще существовать, лишь поскольку онъ частиченъ, и съ своей стороны опирается на свободную волю. Вотъ почему социализмъ въ своемъ основномъ социальномъ-философскомъ замыслѣ — замѣнить цѣликомъ индивидуальную волю, волей коллективной, какъ бы отмѣнить самое бытіе индивидуальной личности, поставить на его мѣсто бытіе «коллектива», «общественнаго цѣлаго», какъ бы слѣпить или склеить монады въ одно сплошное тѣсто «массы» — есть бессмысленная идея, нарушающая основной, неустранимый принципъ общественности и могущая привести только къ параличу и разложенію общества. Онъ основанъ на безумной и кощунственной мечтѣ, что человѣкъ ради планомѣрности и упорядоченности своего хозяйства, своей матеріальной жизни, способенъ добровольно отказаться отъ своей свободы, отъ своего «я» и стать цѣликомъ и безъ остатка винтомъ общественной машины, безличной средой дѣйствія общихъ силъ. Фактически онъ не можетъ привести ни къ чему иному, кромѣ разнузданнаго самодурства деспотической власти и отупѣлой пассивности или звѣринаго бунта подданныхъ. Ибо человѣкъ, который лишается человѣческаго образа, не можетъ быть членомъ и участникомъ общества: онъ можетъ быть только звѣремъ или домашнимъ животнымъ, и, поскольку вообще мыслима такая потеря человѣческаго образа, общества быть не можетъ: остается только фактическое господство дикихъ звѣрей надъ домашними животными, причемъ послѣднія втайнѣ остаются все же неукротенными и въ любое мгновеніе могутъ обнаружить свою звѣриную природу. Социализмъ обреченъ гибнуть и отъ неподвижности, мертвости

уже смѣшаннаго чловѣческаго тѣста, и отъ таящагося въ немъ же хаоса неукротенной анархіи.

3.

Такимъ образомъ, всякое общество по самому своему существу должно опираться одновременно и на солидарность, на внутреннее единство, и на внутреннюю же свободу индивидуальнаго «я»; оно должно быть истиннымъ, исконнымъ *цѣлымъ* (и не только мнимымъ цѣлымъ, извнѣ и механически слагаемой суммой частей), и цѣлымъ, состоящимъ изъ самодовлѣющихъ, изнутри себя живущихъ и дѣйствующихъ цѣлыхъ. Общество есть нѣкое первичное «мы», исконное единство, внѣ котораго нѣтъ никакихъ «я», и вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть совокупность отдѣльныхъ «я», каждое изъ которыхъ, будучи образомъ и подобіемъ Божиимъ, единственно, неповторимо и живетъ изнутри себя самого. Другими словами, поскольку «мы» и «я», общество и личность, мыслятся первичными началами чловѣческой жизни, они стоятъ въ непреодолимомъ и непримиримомъ противоборствѣ другъ къ другу. Каждое изъ этихъ началъ не производно въ отношеніи другого: «мы», сложенное изъ самодовлѣющихъ «я», вообще не есть «мы», ибо «мы» есть единство «я» и «ты», т. е., предполагаетъ нѣкое самопреодоленіе «я», выхожденіе его за свои собственные предѣлы, внутреннее самоотреченіе; но и «мы», ради своего осуществленія загубившее «я» — тоже не есть истинное «мы», а есть мертвая масса; и, съ другой стороны, «я» есть одновременное и первичное, въ себѣ утвержденное начало — ибо только такое, изъ глубины бытія идущее спонтанное самообнаруженіе мы и называемъ «я», личностью, чловѣкомъ, и существо, которое только и мыслимо въ составѣ «мы». Въ лицѣ «мы» и «я», въ лицѣ началъ солидарности и свободы, мы имѣемъ два соотносительныхъ начала, каждое изъ которыхъ носить на себѣ печать абсолютнаго и первичнаго бытія, противорѣчить другому. Это не есть просто теоретическое противорѣчіе нашихъ понятій. Это есть реальная трудность: всякое общественное чловѣческое бытіе, поскольку оно мыслится или само мыслить себя, какъ утвержденное въ себѣ самомъ, какъ послѣдняя самодовлѣющая реальность, раздирается непримиримымъ противорѣчіемъ между началами солидарности и свободы, общественности и личности. Начало солидарности испытываетъ всякую индивидуальную свободу, какъ умаленіе себя самого, какъ угрозу своему бытію; начало свободы испытываетъ всякое общественное единство, какъ уничтоженіе себя. И дѣло обстоитъ здѣсь не такъ, что одно начало можетъ одолѣть другое и восторжествовать за счетъ его умаленія или уничтоженія; такъ какъ противники связаны между собой неразрывными узами, то побѣжденный увлекаетъ въ своемъ паденіи и побѣдителя и оба гибнутъ вмѣстѣ. Общество, утвержденное на себѣ самомъ, т. е. только на реальности чловѣческаго бытія, обречено поэтому гибнуть въ круговоротѣ и вѣчномъ противоборствѣ между *деспотизмомъ* и анархіей.

Отсюда прежде всего слѣдуетъ ложность какъ либеральныхъ, такъ и демократическихъ теорій общества. Ни «права человѣка», ни «воля народа», ни то и другое вмѣстѣ не можетъ быть основой человѣческаго общества. Ибо одно противорѣчитъ другому: «права человѣческой личности», мыслимыя какъ послѣднія основанія общества, отрицаютъ первичность общественнаго единства; «воля народа», какъ абсолютная общественная основа, отрицаетъ принципъ личности. Возможенъ и фактически существуетъ только какой то эклектической, безпринципный компромисъ между обоими началами, свидѣтельствующій о томъ, что оба они именно *не* суть первичныя начала общественности. При подлинной вѣрѣ въ то или другое пришлось бы выбирать между безграничнымъ деспотизмомъ общественнаго единства, уничтожающимъ личность — и вмѣстѣ съ ней само общество — и безграничной анархией, уничтожающей общественный порядокъ и вмѣстѣ съ нимъ и всякое личное человѣческое бытіе. Указанный же выше эклектической выходъ — понемножку отъ того и другого начала — не только безпринципенъ и въ сущности свидѣлствуетъ о невѣрїи въ эти начала, но еще и потому не есть разрѣшеніе вопроса, что здѣсь идетъ рѣчь не о механическомъ уравниваніи двухъ разнородныхъ и независимыхъ силъ, а объ органическомъ примиреніи взаимосвязанныхъ и взаимноопредѣляющихъ началъ, гдѣ умаленіе одного есть тѣмъ самымъ и умаленіе другого. Такимъ образомъ, здѣсь съ одной стороны уже предполагается третье, высшее начало, въ качествѣ, такъ сказать, суперъ-арбитра надъ спорящими сторонами, и, съ другой стороны, примиреніе достигается лишь въ формѣ сокращенія притязаній обѣихъ сторонъ, т. е. умаленіе полноты цѣлаго. Либерально-демократическое общество, съ одной стороны живетъ за счетъ какого-то, несознаваемого имъ иного начала, и, съ другой стороны, не допускаетъ подлиннаго расцвѣта и нестѣсненнаго обнаруженія лично-общественнаго человѣческаго бытія.

Это третье — онтологически первое, — нынѣ забытое или отрицаемое начало есть начало *служенія*, начало утвержденія всей человѣческой жизни, какъ личной, такъ и общественной, въ высшей, сверхчеловѣческой, божественной волѣ, или начало *благоговѣнія*. Оно выражено въ заповѣди: «возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумніемъ твоимъ, и всею крѣпостью твоею» (Второзак. 6, 5. Марк. 12, 30). Конечно, и здѣсь современный человѣкъ полагаетъ, что «*nous avons changé tout cela*» и что эта первая заповѣдь совсѣмъ не есть подлинная основа его общественной жизни, которая, какъ онъ увѣренъ, возможна безъ вѣры въ Бога и любви къ Нему. Но и здѣсь вѣчная, установленная Богомъ реальность не спрашиваетъ о томъ, что думаетъ о ней человѣкъ, и что онъ воображаетъ о самомъ себѣ. Фактически основой всей общественной жизни человѣка, внѣ которой она вообще немислима, является сознательно или бессознательно, по наслышкѣ, традиціи и привычкѣ осуществляемое *служеніе Богу*: оно выражается въ идеѣ нравственной *обязанности*, которую

одинаково имѣть и личность, и общество. Гдѣ человѣкъ считаетъ себя самого — индивидуально или коллективно — х о з я и н о м ъ своей жизни, тамъ общество существовать не можетъ; идея самочиннаго устроенія человеческой жизни, эта основная, доминирующая идея всего новаго времени, поскольку она реально торжествуетъ и воздѣйствуетъ на жизнь, приводитъ къ гибели и крушенію всякой общественности; если европейская общественность, которая въ принципѣ мнитъ себя утвержденной на этой идеѣ, еще не развалилась, то только потому, что бессознательно, невѣдомо для самой себя, она сдерживается еще не забытыми, живущими въ ея крови религіозными традиціями.

Прежде всего ясно, что — со стороны индивидуальной личности — не воля къ самоутверженію и самовластью способна создать и сохранить общественную жизнь, а только ея самоограниченіе и самообузданіе. Безъ чувства долга, безъ а с к е т и к и и немислима никакая общественная жизнь; въ противномъ случаѣ космосъ общественности тотчасъ же разваливается на части и смѣняется хаосомъ чистой анархіи. Не стихійная половая страсть создаетъ устойчивую семью — она только разлагаетъ послѣднюю, — а ея самоограниченіе; не голодь и корысть создаютъ экономической строй, упорядоченное частное хозяйство и упорядоченное взаимодѣйствіе ихъ между собой, — ихъ создаетъ честность, трудолюбіе, ограниченіе потребностей, взаимное довѣріе, рождаемое выполненіемъ обязанностей; не страхъ и не властолюбіе творить государственное единство — оно создается готовностью къ жертвамъ, аскетизмомъ воина и аскетизмомъ гражданскаго служенія, вѣрою въ нравственную святость государственнаго начала. Человѣкъ, какъ таковой, не имѣетъ вообще никакихъ «прирожденныхъ» и «естественныхъ» *правъ*: его единственное и дѣйствительно неотъемлемое право есть право требовать, чтобы ему было дано исполнить его обязанность. Непосредственно или косвенно къ этому единственному праву сводятся всѣ законныя права человѣка.

Но обязанность человѣка никогда не есть, въ послѣднемъ своемъ основаніи, обязанность передъ обществомъ: ибо какое право имѣло бы общество, какъ простое многоединство людей, требовать чего либо отъ человѣка? Всякая обязанность человѣка есть его обязанность передъ Богомъ, обязанность *служенія правдѣ*. Поэтому и всякое право общества, государства, власти надъ отдѣльнымъ человѣкомъ можетъ быть обосновано тоже только на его о б я з а н н о с т и: общество или государство можетъ требовать отъ человѣка того, и только того, что необходимо, для того, чтобы оно само могло исполнять *свою* обязанность служенія п р а в д ѣ. Не «воля народа», въ которой нѣтъ ничего священнаго и которая можетъ быть такъ же глупа и такъ же преступна, какъ воля отдѣльнаго человѣка, а только воля Б о ж і я есть истинный и единственный источникъ суверенитета. Что именно это есть основное и вѣчное начало общественнаго бытія, видно изъ того, что только въ немъ и черезъ него могутъ быть примирены и подлинно согласованы противоборст-

вующія начала «мы» и «я», солидарности и свободы. Гдѣ «мы» и «я» стремятся утвердить свою собственную *власть*, свое самодовлѣющее *бытіе*, они находятся, какъ указано въ безвыходной коллизіи между собой; но гдѣ каждое изъ нихъ есть лишь путь и форма служенія правдѣ, борьба замѣняется мирнымъ сотрудничествомъ. Ибо только въ этомъ случаѣ сознание святости и абсолютности этихъ началъ не ведетъ къ притязанію на единодержавіе каждаго изъ нихъ въ ущербъ другому: сознавая свою святость, какъ проводниковъ и служителей правды, воли Божіей, каждое изъ этихъ началъ сознаетъ свое внутреннее сродство съ другимъ, ему противостоящимъ и его дополняющимъ. «Я», которое уже не есть только отдѣльное и одинокое человѣческое «я», а есть «я» богочеловѣческое, какъ «я съ Богомъ» находитъ уже внутри самого себя отношеніе къ «мы»; и «мы», которое уже не есть просто человѣческое «мы», «воля народа» или «государство», а единство людей въ Богѣ, находятъ также внутри себя каждое отдѣльное «я», какъ органически сопринадлежащаго къ нему соучастника. Только общество, которое утверждено на служеніи правдѣ, осуществляетъ и въ своемъ цѣломъ, и въ своихъ частяхъ, то органическое многоединство, которое есть его подлинное существо. Вотъ почему вѣра въ Бога и любовь къ нему есть незыблемая и единственная подлинная основа общества. «Во всѣ времена и повсюду — справедливо говорить итальянскій философъ Джоберти — гражданскіе порядки рождались изъ жреческихъ, города возникали изъ храмовъ, законы исходили отъ оракуловъ... воспитаніе и культура народа — изъ его религіи. Религія въ отношеніи всѣхъ прочихъ учреждений и порядковъ есть то же самое, что Сущее — въ отношеніи существующаго... т. е. динамическое и органическое начало, которое ихъ производитъ, сохраняетъ, возрождаетъ и совершенствуетъ».

4.

Изъ усмотрѣннаго начала, въ силу котораго человѣкъ — какъ индивидуальный, такъ и коллективный — никогда не есть самочинный и самодержавный хозяинъ своей жизни, а есть служитель правды Божіей, слѣдуетъ, что человѣкъ не «создаетъ», не «дѣлаетъ» своей общественной жизни, а творитъ предначертанія высшей воли, какъ они непосредственно вытекаютъ изъ всего его *историческаго прошлаго*. Этимъ опредѣляется принципъ традиціонализма, религіозно выраженный въ заповѣди о почитаніи родителей. Этотъ традиціонализмъ есть не слѣпое поклоненіе прошлымъ формамъ жизни, въ которое онъ часто вырождается, а благоговѣніе передъ сверхвременнымъ единствомъ исторіи, какъ богочеловѣческаго процесса и вытекающее отсюда уваженіе ко всему прошлому жизненному опыту человѣчества. Самочинная свобода цѣлаго поколѣнія, людей сегодняшняго дня, есть такое же разрушающее

жизнь безчинство, какъ и самочинный произволъ личности. Требованіе исторической непрерывности, уваженія къ прошлому и укорененности въ немъ есть не просто кощное предписаніе, которое человѣкъ можетъ по желанію выполнять или невыполнять. Это есть, какъ и всѣ вѣчныя начала, лежащія въ основѣ общества, законъ жизни, на которомъ она зиждется и внѣ котораго необходимо гибнетъ. Всеединство человѣческой жизни, въ силу котораго всякое «я» укоренено въ «мы» и живетъ и развивается только въ его лонѣ, имѣетъ и временное измѣреніе, въ которомъ оно есть сверхвременность. Общество какъ духовное единство, никогда не вмѣщается въ мигъ настоящаго, въ сегодняшній день; оно есть только тогда, когда въ немъ въ каждое мгновеніе живетъ все его прошлое; его «сегодня» есть только связь между его «вчера» и «завтра». Только если въ дѣтяхъ живетъ душа и воля отцовъ, они имѣютъ жизнь, чтобы передать ее внукамъ. Во всякое мгновеніе въ обществѣ дѣйствуютъ законы и обычаи, установленные давно умершими людьми и выражающіе ихъ волю и вѣру, обращаются матеріальные и духовные капиталы, накопленные трудомъ прошлыхъ поколѣній. Попытка оторваться отъ этого прошлаго, заново изъ ничего создать свою собственную жизнь, «учредить» новое общество есть безуміе нечестія, которое равносильно самоубіенію и не кончается смертью только, если силы прошлаго, послѣ краткаго паралича, вновь пропитываютъ собою жизнь; эта попытка равносильна попыткѣ вылить изъ человѣка всю кровь, накопленную прошлымъ питаніемъ, и влить въ него совершенно новую, имъ самимъ только что приготовленную кровь. Революціи, которыя суть выраженія такой попытки, правда, психологически всегда обусловлены тѣмъ, что въ крови накопились отравляющіе общественный организмъ яды, которые и влекутъ къ этому самоубійству съ безумной мечтой начать жизнь с н а ч а л а, тѣмъ не менѣе, по существу онѣ суть именно такое самоубійственное нарушеніе основнаго начала непрерывности и сверхвременности общественной жизни; какъ всякое нечестіе, онѣ караются либо смертью общества, либо изобличеніемъ своего безсилія и своей лжи. Послѣ опыта великой французской революціи европейская мысль, въ лицѣ самыхъ проникательныхъ и духовно-зрѣлыхъ своихъ представителей, какъ Жозефъ де-Местръ и Эдмундъ Беркъ, вновь осознала этотъ основной законъ исторической жизни, по которому общество не дѣлается и не учреждается людьми, а творится на подобіе органическихъ существъ, произрастая изъ прошлаго. Въ настоящее время эта истина снова въ значительной мѣрѣ забыта — и притомъ не только революціонерами, все міросозерцаніе которыхъ основано на ея отрицаніи, но и ихъ политическими противниками, которые въ своей мечтѣ усиленіемъ личной воли и мысли вновь построятъ разрушенныя старыя формы жизни вмѣсто того, чтобы опереться на живыя силы прошлаго, еще дѣйствующія въ настоящемъ, и помочь имъ органически и въ новыхъ формахъ возсоздать нарушенную непрерывность жизни, — свидѣтельствуютъ о томъ, что они утратили непосредственное чутье живой значительности этой истины. Но и помимо этихъ

рѣзкихъ уродствъ общественной мысли, есть много понятій и принциповъ современнаго общества, которые противорѣчатъ этой незыблемой истинѣ; она нарушена и въ идеѣ «учредительнаго собранія», и въ идеѣ равнаго и прямого избирательнаго права, по которой воля и даже сегодняшнее настроеніе совокупности живущихъ въ настоящій моментъ людей должна державно опредѣлять судьбу государства. Коротко говоря: гдѣ забыта основная истина, что человѣческая жизнь подчинена вѣчнымъ общественнымъ началамъ, тамъ неизбѣжно забывается и мысль объ основномъ, сверхвременномъ или сверхъ историческомъ единствѣ, человѣческой жизни, и общество мнится, какъ созданіе сегодняшняго дня. И наоборотъ: изъ усмотрѣнія вѣчныхъ основъ общественной жизни непосредственно вытекаетъ признаніе единства ея движенія, внутренняго, неустраимаго соучастія пршлаго въ настоящемъ, какъ необходимаго условія самой жизни, т. е. самого творчества новаго. Господствующая нынѣ антропократія приводитъ неизбѣжно къ потерѣ исторической памяти и отсюда — къ шаткости, эфемерности общественнаго бытія; это есть ея имманентная кара. Напротивъ, теократія (въ широкомъ первичномъ смыслѣ слова), какъ утвержденіе общественнаго бытія на сознаніи вѣчнаго, укрѣпляетъ и память о прошломъ, присутствіе пршлаго въ настоящемъ и есть необходимое условіе подлинной силы и творческой значительности общественной жизни.

5.

Изъ сознанія, что общественная жизнь строится не по самодержавному произволу людей, ея участниковъ, а въ согласіи съ сверхчеловѣческимъ, божественнымъ началомъ подлинной Правды, что она подчинена объективнымъ, независимымъ отъ человѣческой воли и человѣческихъ мнѣній законамъ, вытекающимъ изъ Богомъ опредѣленной природы человѣка и міра — вытекаетъ съ необходимостью также признаніе начала авторитета. Всякая общественная власть, всякое подчиненіе, которое, какъ уже указано выше, въ конечномъ счетѣ должно быть добровольнымъ, вытекаетъ изъ сознанія, опредѣленнаго вѣрой въ правду и готовностью служить ей, что между людьми есть объективное различіе въ степени знанія и овладѣнія правдой, что между людьми есть мастера, подмастерья, ученики и невѣжды, и что менѣе знающій и умѣлый долженъ подчиниться мастерамъ и знаатокамъ дѣла. Однимъ изъ самыхъ зловредныхъ и губительныхъ для общества заблужденій демократическаго строя является идея, что послѣдней высшей инстанціей государственной жизни служитъ ничѣмъ не мотивированная воля, «le bon plaisir» массы, избирательнаго стада — такъ же, какъ въ абсолютной монархіи ею служило «le bon plaisir» монарха, правило «sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas». Въ сущности, и эта демократическая идея не можетъ обойтись безъ принципа авторитета

и дѣйствительно истребить его — именно потому, что онъ есть божественный законъ, опредѣляющій самое существо человѣка и потому незыблемый; но она искажаетъ и извращаетъ его; въ силу ея, авторитетомъ становится не дѣйствительный «мастеръ», лицо болѣе высокаго духовнаго и умственнаго уровня, а, какъ извѣстно, демагогъ, съумѣвшій польстить массамъ, понравиться имъ и внушить къ себѣ безотчетное довѣріе. Истинное же, подлинное основаніе авторитета есть «харисма», сознание не произвольно-человѣческой, а объективно-божественной избранности человѣка, его предназначенности для общественнаго водительства. Авторитетъ совсѣмъ не тождественъ съ властью, въ немъ нѣтъ ничего принудительнаго, онъ есть свободное усмотрѣніе духовной значительности лица, его способности быть наставникомъ и водителемъ; авторитетъ есть и въ религіи, и въ научномъ знаніи, во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ; но всякая власть въ конечномъ счетѣ основана на авторитетѣ. Не потому власть авторитетна, что она есть власть, а, напротивъ, потому она есть власть, что она авторитетна. Конечно, власть основана также на авторитетности порядка, ее опредѣляющаго и поставляющаго и съ государственно-правовой точки зрѣнія подданный не можетъ ставить повиновеніе въ зависимость отъ своего личнаго мнѣнія о личной авторитетности для него даннаго носителя власти; но авторитетность самого порядка, правовой основы власти, опредѣляется тѣмъ, что, по убѣжденію его участниковъ, онъ даетъ максимальное вѣроятіе, что власть будетъ принадлежать подлинно авторитетнымъ лицамъ. Послѣдняя задача и послѣднее оправданіе всякаго государственнаго строя, всякой «конституціи» не въ томъ, что она обезпечиваетъ свободное «волепроявленіе» самодержавнаго народа, возможность народа жить, какъ ему «хочется», а въ томъ, что она обезпечиваетъ подлинно правильно плодотворное, умѣлое управленіе, что она ставитъ надлежащаго человѣка на надлежащее мѣсто. Этимъ совсѣмъ не устраняется самый моментъ «избранія», который въ какой то формѣ неизбѣженъ въ обществѣ, но ему придается совершенно иной, чѣмъ въ демократіи, смыслъ: въ избраніи народъ выражаетъ не свою самодержавную, никакими объективными основаніями не мотивированную волю, а лишь свое сильное мнѣніе о подлинно объективной авторитетности избираемаго.

Производнымъ послѣдствіемъ принципа авторитета является принципъ і е р а р х и з м а. Общественное бытіе, какъ и все космическое бытіе, не есть по самому существу своему однородная и уравненная масса, оно имѣетъ іерархическое, ступенчатое строеніе: «Иная слава солнца, иная луны, иная звѣздъ; и звѣзда отъ звѣзды различается въ славѣ» (Кор. 15:41). Такъ какъ общество есть конкретное воплощеніе общественной, онтологической правды, то строеніе его должно отражать различіе между онтологической значительностью отдѣльныхъ его членовъ и соучастниковъ. Чѣмъ глубже и полнѣе проведенъ этотъ принципъ и чѣмъ сознательнѣе онъ воспринимается и утверждается, тѣмъ жизненнѣе, сильнѣе и плодотворнѣе общественная жизнь. Въ сочетаніи съ многообразіемъ качественныхъ функций об-

щества, какъ органическаго цѣлаго, и множественностью количественныхъ сферъ или какъ бы концентрическихъ круговъ, охватываемыхъ общественнымъ объединеніемъ, принципъ іерархизма приводитъ къ сложному качественному и объемному расчлененію общества, къ многообразному комплексу подчиненій и соподчиненій. Въ этомъ смыслѣ провозглашенное французской революціей и въ извѣстной мѣрѣ легшее въ основу современныхъ обществъ правило, по которому между народомъ, какъ совокупностью отдѣльныхъ людей, и высшимъ государственнымъ единствомъ, нѣтъ никакихъ промежуточныхъ ступеней и инстанцій, совершенно ложно, такъ какъ обусловлено именно атомистически-уравнительнымъ представленіемъ объ общественномъ бытіи. Всякое живое, плодотворное, подлинно компетентное общественное дѣланіе необходимо предполагаетъ, напротивъ, іерархическую структуру, связь человѣка съ высшимъ единствомъ черезъ посредство ближе ему доступныхъ и болѣе обозримыхъ промежуточныхъ объединеній. Основанное на принципѣ авторитетности или онтологической значительности подлинное использование способностей, знаній и умѣній человѣка и опредѣленіе ему мѣста, дѣйствительно соответствующаго его относительной значительности и цѣнности, возможно только при такомъ максимально-іерархическомъ строеніи общества, которое именно наиболѣе адекватно Богомъ установленной природѣ самого бытія.

6.

Только инымъ выраженіемъ того же начала является принципъ а р и с т о к р а т и з м а , принципъ господства — во всѣхъ областяхъ и на всѣхъ ступеняхъ общественной жизни — подлинно лучшихъ, достойнѣйшихъ. Но принципъ аристократизма имѣетъ и другую, еще не указанную доселѣ сторону, съ которой онъ есть необходимое господство въ обществѣ м е н ь ш и н с т в а ; если не бояться слова, опороченнаго неправильнымъ пониманіемъ и извращеніемъ его подлиннаго смысла, то это можно было бы назвать принципомъ о л и г а р х і и (но, быть можетъ, лучше, во избѣжаніе недоразумѣній, обозначить его новымъ словомъ о л и г о к р а т і и). И здѣсь, вопреки господствующимъ понятіямъ, согласно которымъ верховенство принадлежитъ всегда большинству, надлежитъ сказать: во всякомъ обществѣ и при всѣхъ формахъ правленія, хотя бы ли того люди или нѣтъ, въ силу неизмѣннаго и ненарушимаго вѣчнаго закона общественной жизни, подлинная власть и вліятельность принадлежитъ всегда не большинству, а именно меньшинству; и разница между различными порядками и идеалами лишь въ томъ, признаютъ ли они открыто и покорно это начало и стараются ли сознательно его осуществить, или они его отрицаютъ и потому вынуждены использовать его лицемѣрно, исподтишка и въ извѣстной степени случайно и непланомѣрно. Одинъ изъ тонкихъ современныхъ политическихъ мысли-

телей правильно замѣчаетъ: «Позади демократической формы, какъ она представляется извнѣ, скрывается гораздо больше феодализма, чѣмъ это подозрѣваетъ народъ, который даетъ себя обманывать видимостью и словами. Авгуры всѣхъ партій хорошо это знаютъ, и гдѣ они между собой, они обмѣниваются многозначительными улыбками». Править ли народомъ дворянство, или бюрократія, или вожди партій, или политическое бюро коммунистической партіи (какъ сейчасъ въ Россіи) — какъ бы велики ни были различія этихъ формъ правленія или, вѣрнѣе, правящихъ слоевъ, этимъ различіемъ не нарушается общее правило, по которому избранное меньшинство править большинствомъ.

Меньшинство призвано къ власти и вліятельности не только потому, что оно всегда толковѣе, сознательнѣе, разумнѣе большинства, что мнѣніе и воля меньшинства, по общему правилу, ближе къ истинѣ, чѣмъ мнѣніе и воля большинства; ему принадлежитъ общественное водительство еще и по той простой причинѣ, что общество есть не простая сумма или механическое взаимодействие множества отдѣльныхъ людей, а е д и н с т в о, подлинное единство мыслящей, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйственной воли, а такое единство можетъ найти свое выраженіе только въ сознаніи избраннаго меньшинства. Масса, по своему существу, пассивна и хаотична; она существуетъ, какъ общество, только поскольку она пропитана единствомъ мысли и воли, которое, въ силу начала іерархичности, всегда и д е т ь с в е р х у. Принципъ *авторитета* въ сочетаніи съ принципомъ и с к о н н а г о е д и н с т в а или с о л и д а р н о с т и необходимо приводитъ къ господству принципа м е н ь ш и н с т в а. При демократическихъ и демагогическихъ общественныхъ порядкахъ, которые принципиально, на словахъ отвергають это начало, оно, какъ указано, пробираетъ себѣ путь контрабандно, дѣйствуетъ исподтишка; но именно при этихъ порядкахъ есть больше всего шансовъ, что это начало вырождается въ олигархію въ дурномъ смыслѣ, что законное, основанное на внутренней авторитетности, господство меньшинства, замѣнится незаконнымъ властвованіемъ случайнаго меньшинства, если не просто насильниковъ и шарлатановъ, то самыхъ ловкихъ и беззастѣнчивыхъ; и это, какъ извѣстно, есть общее правило и для всѣхъ демократій, и для всѣхъ демагогическихъ деспотій.

По тѣмъ же основаніямъ, въ силу которыхъ во всякомъ обществѣ дѣйствуетъ принципъ олигократіи, — дѣйствуетъ и принципъ е д и н о в л а с т і я (*монократіи*, чтобы и здѣсь избѣгнуть уже использованнаго въ опредѣленномъ историческомъ смыслѣ термина монархіи). Гдѣ и поскольку въ обществѣ имѣется потребность не просто въ водительствовающей мысли, а въ быстро дѣйствующей организующей волѣ — тамъ и постольку въ ней неизбѣженъ принципъ е д и н о в л а с т і я. Таково, какъ извѣстно, происхожденіе всѣхъ монархій: монархъ есть вождь, по большей части военный, необходимый организаторъ, спаситель или охранитель общества. И съ другой стороны, всѣ народныя возстанія и движенія съ

необходимостью ведутъ къ появленію такого же единовластнаго вождя, который, мнимымъ образомъ являясь «представителемъ» и «уполномоченнымъ» народа, на самомъ дѣлѣ есть его повелитель. Единовластіе (въ той или иной формѣ) есть форма правленія, адекватная потребностямъ въ дѣйственномъ организаціонномъ единствѣ и потому выражающая онтологическое единство самого общественнаго бытія. Этотъ принципъ выраженъ въ гомеровскихъ словахъ: «нехорошо многовластіе, да будетъ единый владыка». И здѣсь также обнаруживается, что основные законы общественной жизни въ сущности неизмѣнимы, что у народа есть выборъ лишь между разумнымъ усмотрѣніемъ необходимости закона и свободнымъ слѣдованіемъ за нимъ, съ одной стороны, и слѣпымъ, вынужденнымъ и потому извращеннымъ его выполненіемъ. *Fata volentem ducunt, nolentem tratunt*. Всякая революція, всякое возстаніе противъ «деспотизма власти» по общему правилу ведетъ къ тому, что народъ попадаетъ въ подчиненіе своему вождю и помимо своей воли утверждаетъ гораздо болѣе деспотическое и неограниченное единовластіе, чѣмъ то, которое онъ свергнулъ. Единовластіе въ той или иной формѣ — есть въ такой же мѣрѣ адекватная форма выраженія внутренняго единства общества въ области организующей, общественно творческой воли, какъ власть меньшинства есть адекватная форма постояннаго, длительного направленія общественной жизни. Принципъ аристократизма въ сферѣ общественной статики имѣетъ свое выраженіе въ олигократіи, въ сферѣ общественной динамики — въ монархіи.

7.

Но если изъ богоопредѣленной, теократической (въ широкомъ смыслѣ) природы общества вытекаютъ начала авторитета, іерархизма и аристократизма, то изъ нея же въ связи съ началомъ с в о б о д ы, вытекаетъ принципъ в с е о б щ н о с т и участія членовъ общества въ общественной жизни и въ этомъ смыслѣ — ихъ *равенства*. Въ антропократическомъ обществѣ, которое мыслится какъ обусловленное только человѣческимъ произволомъ коллективное самоустроеніе, принципъ равенства, какъ и всѣ остальные принципы, пріобрѣтаетъ извращенный смыслъ и является ложью. Основное демократическое требованіе равенства здѣсь вступаетъ въ конфликтъ съ началами іерархизма и аристократизма, оно не имѣетъ за себя никакого объективнаго основанія, и есть безпредметное выраженіе субъективной зависти, оглядки на положеніе другого, желанія, чтобы д р у г о й былъ не выше меня, или я не ниже другого. И такъ какъ объективно большинство стоитъ всегда на низшемъ уровнѣ, чѣмъ избранное меньшинство, то фактически уравненіе ведетъ къ пониженію уровня общественнаго бытія, къ срѣзыванію его верхушекъ. Истинный принципъ равенства возможенъ только на основѣ теократическаго жизнепониманія; какъ бы это не показалось парадоксальнымъ съ точки зрѣнія ходячихъ идей, онъ самъ про-

изведенъ отъ принципа і е р а р х и з м а. Всякое равенство есть не только равенство между однимъ и другимъ, такъ чтобы было достаточно сравненія двухъ объектовъ, чтобы установить ихъ равенство. Равенство устанавливается въ опредѣленномъ отношеніи, и всегда въ виду и на основѣ какого-то, соотносительнаго ему неравенства: общій уровень, обосновывающій равенство, предполагаетъ иные, низшіе и высшіе уровни. Есть только одно отношеніе, въ которомъ люди дѣйствительно, т. е. онтологически равны: это есть ихъ отношеніе къ Б о г у. Всѣ люди равны передъ Богомъ, и притомъ въ двоякомъ отношеніи: передъ лицомъ Бога всѣ люди, съ одной стороны, суть тварныя созданія, существа, исполненныя безсилія и грѣховности и сознающія свое общее ничтожество, свою противоположность Богу; и, съ другой стороны, всякій человѣкъ — по сравненію со всѣмъ остальнымъ тварнымъ міромъ есть существо высшее, образъ и подобіе Бога и потенциально «сынъ Божій», существо а р и с т о к р а т и ч е с к о е по своему онтологическому происхожденію и назначенію. Изъ перваго отношенія вытекаетъ не равенство правъ и притязаній, а равенство нищеты, недостойнства и смиренія; никто не вправе считать себя выше другихъ въ этомъ отношеніи, не видѣть въ другомъ человѣкѣ равнаго себѣ соучастника общей нужды и общей задачи совершенствованія. Изъ втораго отношенія вытекаетъ также не равенство правъ, а равенство достоинства и обязанностей, опредѣленныхъ достоинствомъ, по принципу «noblesse oblige». Это истинное, онтологически обоснованное, а р и с т о к р а т и ч е с к о е сознание равенства, которое мы имѣемъ во всякой аристократической корпорации — въ дворянствѣ, начиная отъ царя до послѣдняго захудалаго дворянина, въ офицерскомъ обществѣ, начиная отъ главнокомандующаго до послѣдняго прапорщика — есть чувство уваженія къ себѣ и къ другимъ, сознание необходимости оправдать свою избранность и оказаться достойнымъ ея, а также уважать чужую избранность. Въ единствѣ обоихъ отношеній, — единствѣ, которое утверждено самымъ полнымъ и адекватнымъ религіознымъ сознаниемъ — христіанскимъ, — бытіе человѣка въ своей основѣ постигается, какъ с в о б о д н о е с л у ж е н і е свободное соучастіе сына въ дѣлѣ Отца, какъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Въ истинной человѣческой жизни, а потому и въ истинной, онтологически адекватной общественной жизни всѣ люди одинаково (хотя каждый на своемъ мѣстѣ и со своимъ особымъ содержаніемъ) призваны къ этому свободному служенію, никто не исключенъ изъ него, никто не является только объектомъ, а не субъектомъ общественнаго служенія. Равенство есть не что иное, какъ всеобщая призванность къ свободному служенію. И такъ какъ служеніе по самому существу своему обосновываетъ, какъ мы видѣли, іерархизмъ, то равенство не противорѣчитъ здѣсь неравенству, а согласуется съ нимъ и его пронизываетъ — такъ же, какъ равенство офицерскаго званія не противорѣчитъ іерархическому строенію команднаго состава. Каждый человѣкъ имѣетъ равное достоинство — именно тогда, когда онъ стоитъ на н а д л е ж а щ е м ъ ему мѣстѣ іерархи-

ческой лѣстницы и потому выполняетъ единственное *основаніе* равенства — опредѣленное ему служеніе.

Это начало всеобщности и принципиальнаго равенства служенія есть выраженіе болѣе глубокаго и первичнаго начала общественной жизни, которое мы назовемъ началомъ *теофаніи*. Воля Бога и опредѣленные Имъ вѣчныя начала человѣческой жизни должны, въ силу богоподобія и богосыновства человѣка, осуществляться свободной волей человѣка, а не вынуждаться отъ него насильственно. Богъ долженъ властвовать только надъ человѣческими сердцами, и законъ долженъ быть написанъ въ сердцѣ человѣка, такъ чтобы свободная дѣйственность человѣка была самообнаруженіемъ Божества, теофаніей. То, что мы называли доселѣ теократіей въ широкомъ смыслѣ слова, онтологически возможно только въ одной формѣ — въ формѣ теофаніи. Напротивъ, теократическій въ узкомъ смыслѣ слова общественный строй, который есть *иерархократія*, насильственное принужденіе людей немногими избранными служителями Бога исполнять волю Божию, не соотвѣтствуетъ истинному онтологическому отношенію между человѣкомъ и Богомъ и есть извращеніе истинной теократіи или, во всякомъ случаѣ, ея самая грубая и низшая форма, относительно пригодная развѣ только пропедевтически, на самыхъ низкихъ ступеняхъ духовнаго развитія, и относительно оправданная лишь какъ подготовительная ступень къ свободной теофаніи. Это относится не только къ «теократіи» въ техническомъ обычномъ смыслѣ слова, т. е. къ строю, въ которомъ власть принадлежитъ духовенству, «жрецамъ» или представителямъ церкви, но и къ скрытой теократіи, религіозно-обоснованной патріархальной монархіи, и ко всякому строю, основанному на всесторонней и абсолютной опека однихъ слоевъ другими.

Принципъ свободной теофаніи есть также вѣчное и незыблемое начало, которое въ сущности не можетъ быть нарушено безъ ущерба и умаленія общественнаго бытія. Это вытекаетъ изъ того, что выше было сказано о принципѣ свободы. Послѣдній источникъ дѣйственности, общественнаго строительства и общественнаго самосохраненія, лежитъ въ человѣческомъ сердцѣ, есть свободная человѣческая воля, которой чужая воля можетъ помочь, которую она можетъ направлять и организовать, но которую она не можетъ замѣнить. Гдѣ парализовано или предано забвенію начало всеобщаго свободнаго служенія, тамъ, съ одной стороны, въ извѣстной мѣрѣ парализована и ослаблена сама общественная жизнь и, съ другой стороны, подпольно возвращаются въ человѣческой душѣ анархическія страсти, готовится бунтъ, растетъ идеаль самочиннаго устроенія. Вся т. наз. «новая» европейская исторія — исторія возстанія человѣка противъ Бога и самочиннаго построенія имъ вавилонской башни, вплоть до послѣдняго ея достиженія — коммунистическаго рабства — есть расплата человѣчества за забвеніе или умаленіе въ прошлую эпоху начала свободной теофаніи.

Изъ принципа свободной теофаніи вытекаетъ еще одинъ вѣчный и необходимый принципъ общественной жизни — принципъ *двуетинства духовнаго и мірскаго*, различенія и согласованія внутренняго, сущностно-нравственнаго служенія человѣка и внѣшняго, производно-нравственнаго, именно государственно-правового его служенія. Этотъ принципъ впервые съ полной ясностью раскрытъ въ христіанствѣ въ завѣтъ: «Отдавайте Богу Богово, и кесарю — кесарево». Ибо человѣкъ онтологически есть двойственное существо: онъ есть, съ одной стороны, «образъ и подобіе Божіе» въ мірѣ, составляя интегральную часть міра, болѣе того — будучи микрокосмомъ, т. е. сосредоточивая въ душѣ всѣ силы, опредѣляющія міръ и образующія его существо. И, съ другой стороны, человѣкъ есть сынъ Божій, существо, родственное Богу и укорененное въ Немъ; его жизнь въ послѣдней, глубочайшей своей основѣ утверждена въ Богѣ, какъ и Богъ живетъ въ немъ. И въ обоихъ этихъ отношеніяхъ — и въ обоихъ *сразу*, поэтому сразу двумя путями — человѣкъ долженъ осуществлять волю Божію, совершенствовать жизнь, приближать себя къ совершенству Бога. Истинное отношеніе Бога къ человѣку есть отношеніе *трансцендентно-имманентное*; Богъ въ отношеніи міра и человѣка, какъ соучастника міра, есть Существо трансцендентное, воля котораго налагается на жизнь извнѣ, въ формѣ *закона*, исправляющаго, сдерживающаго и организующаго спонтанно-хаотическія силы міра; и одновременно Богъ, какъ Богочеловѣкъ, есть имманентное существо, изнутри объемлющее душу человѣка и внѣдряющееся въ нее начало самой внутренней сущности жизни человѣка. Всѣ формы общественной жизни, которыя либо *смѣшиваютъ* эти два порядка или слоя бытія, либо отрицаютъ одинъ изъ нихъ, либо, наконецъ, вмѣсто нераздѣльнаго двуетинства полагаютъ между ними абсолютное разъединеніе, онтологически ложны и потому внутренне несостоятельны, больны и безсильны. Современное сознаніе, утравшее пониманіе религіозныхъ основъ общественности, совершенно беспомощно въ уясненіи какъ необходимости двуетинства права и нравственности, такъ и истиннаго смысла и основанія ихъ различія; въ особенности, когда нравственность понимается (какъ это обычно имѣетъ мѣсто), какъ нравственный *законъ*, оказывается совершенно непостижимымъ, почему собственно человѣческая жизнь нормируется не одной, а *двумя* инстанціями, изъ которыхъ одна разрѣшаетъ то, что запрещаетъ другая, причемъ обѣ одинаково авторитетны. Отсюда создается шаткое, неуверенное состояніе нравственно-общественнаго сознанія, и постоянныя попытки прямолинейныхъ умовъ смѣшать эти инстанціи воедино или отрицать одну изъ нихъ. Таково толстовство, отрицающее самостоятельное значеніе права и государства и въ сущности возрождающее древнѣйшую ересь христіанскаго анархизма, побѣдоносно

опровергнутую еще апостоломъ Павломъ; таковъ социализмъ, приписывающій праву функціи нравственности и потому возрождающій теократію, которая въ силу безбожія и человѣкобожества, является здѣсь, какъ с а т а н о к р а т і я. Съ другой стороны, современная секуляризованная демократія, основанная на антропократіи и отдѣляющая церковь отъ государства на томъ основаніи, что отношеніе человѣка къ Богу никакимъ образомъ не должно опредѣлять его общественной жизни, которая есть самочинное созданіе самого человѣка, — либо лишаетъ право и государство всякой нравственной основы и смысла, превращаетъ его въ человѣческое своеволіе, либо вызываетъ государственно-правовое идолопоклонство, приписывая праву самодовлѣющій и державный нравственный авторитетъ; или, вѣрнѣе, она вынуждена одновременно утверждать обѣ, противорѣчащія другъ другу позиціи, сразу совмѣщать атеистическій цинизмъ съ фарисействомъ. Изъ этого же забвенія религіознаго двуединства права и нравственности вытекаетъ распространенность утопизма, постоянная и вѣчно безсильная мечта устроить, наконецъ, порядокъ, который самъ обеспечивалъ бы добро и правду человѣческой жизни, и постоянное горькое отрезвленіе, тягостное сознаніе, что эта мечта неосуществима. Эта мечта о насажденіи извнѣ, съ помощью государственно-общественныхъ порядковъ, правды на землѣ есть неизбежный обманчивый суррогатъ подлинной обоснованности государственно-правовой жизни на сущностной нравственности — обоснованность, которая имѣется именно при ясномъ различеніи между тѣмъ и другимъ, какъ между центромъ и периферіей, первичной и вторичной сферой человѣческой жизни.

Подлинно прочное, согласованное и одухотворенное, сочетающее повиновеніе со свободой общественное устройство возможно только на почвѣ указаннаго двуединства, его яснаго осознанія и послѣдовательнаго осуществленія. Если общая религіозная обоснованность общественности на началѣ служенія Божьей правдѣ, одна только какъ мы пытались показать, въ состояніи разрѣшить трагическую антиномію между солидарностью и индивидуальной свободой, то антиномію между суверенностью государственно-правового принудительнаго нормированія жизни и внутренней религіозно-нравственной свободой можетъ разрѣшить только христіанское сознаніе Богочеловѣчества, изъ котораго вытекаетъ двуединство права и нравственности. Въ основѣ всякой власти лежитъ, какъ мы видѣли, свободный авторитетъ; истинная теократія есть теофанія, свободное обнаруженіе божественныхъ началъ въ человѣческой совѣсти и опредѣленной ею нравственной волѣ. Но въ составъ свободного подчиненія нравственному авторитету и нравственной правдѣ входитъ какъ его интегральная часть, дополняющая непосредственную богочеловѣческую жизнь и помогающая ей утвердиться въ мірѣ, свободное признаніе начала п о р я д к а и закона вообще, нравственная обязанность обуздывать хаотическія силы міра въ человѣческой жизни, нравственная обязанность повиноваться власти, какъ органу Божьей воли о внесеніи порядка въ мірѣ. «Нѣтъ власти аще не отъ Бога»; «да будетъ

воля твоя, яко на небеси, и на з е м л и». Всѣ споры о значеніи права и государства, о допустимости или недопустимости принужденія, безнадежно спутаны непониманіемъ различія между функціями и существомъ права и нравственности. Накопленіе добра и уничтоженіе зла, конечно, никогда не достигается непосредственно никакимъ принужденіемъ, никакимъ правомъ или государственнымъ строемъ: оно есть дѣло развитія сущности нравственной жизни, непосредственнаго вращанія челоуѣка и челоуѣчества въ Сущее Добро или вращиванія его въ себѣ. Но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что моментъ принужденія и внѣшняго нормированія лишенъ нравственнаго смысла или даже нравственно воспрещенъ. Ибо кромѣ сущностнаго вращиванія добра и вытѣсненія имъ зла, кромѣ непосредственной жизни въ Богѣ, у челоуѣка есть иная задача: выполненія въ мірѣ трансцендентной воли Бога путемъ *огражденія* міра отъ зла и береженія въ немъ силъ добра, черезъ соблюденіе истиннаго, соотвѣтствующаго этой цѣли, п о р я д к а ж и з н и. Наилучшій государственный порядокъ не можетъ внести въ жизнь ни іоты сущностнаго, субстанціального добра, не можетъ уничтожить ни малѣйшей силы зла; это такъ же невозможно, какъ невозможно создать гомункула въ ретортѣ, какъ увеличить путемъ механическихъ комбинацій количество матеріи въ мірѣ ни на одинъ атомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не только суверенъ, монархъ, но и послѣдній городской, исполняющій функцію «тащить и не пущать», выполняетъ волю Божию, ограждая жизнь порядкомъ, сдерживая разрушительныя силы зла и создавая условія свободнаго накопленія сущностныхъ нравственныхъ силъ на землѣ. Царство Божіе невозможно на землѣ до ея совершеннаго преображенія, ибо «Царство Божіе внутри васъ есть», но воля Божія можетъ и должна исполняться на землѣ не только пріобщеніемъ челоуѣка непосредственно къ Богу, но и соблюденіемъ порядка, соотвѣтствующаго этой волѣ. Или, какъ говорилъ Вл. Соловьевъ — задача государства не въ томъ, чтобы сдѣлать земную жизнь раемъ, а въ томъ, чтобы не допустить ея стать адомъ. П р а в д а Б о ж і я одновременно осуществляется и непосредственно, черезъ сущностную нравственную жизнь челоуѣка, и косвенно, черезъ государственно-правовую организацію мірскихъ силъ челоуѣка.

Изъ уясненія подлиннаго смысла этого двуединства вытекаетъ также, что не существуетъ вообще идеальнаго общественнаго порядка — ни въ смыслѣ порядка, абсолютно обезпечивающаго добро и осуществляющаго его во всей его полнотѣ, ни даже въ смыслѣ одного единственнаго порядка, соотвѣтствующаго вѣчной правдѣ Божіей. Существуютъ вѣчныя начала челоуѣческой жизни, несоблюденіе которыхъ грозитъ обществу гибелью, разложеніемъ или по крайней мѣрѣ ослабленіемъ и увяданіемъ — эти начала мы и пытались выше схематически намѣтить. Но не существуетъ и не можетъ существовать одного единственнаго государственнаго порядка, одной формы правленія, которая была бы единственно адекватной бытію челоуѣка и его ненарушимому отношенію къ Богу. Ибо по-

рядокъ имѣеть цѣлью организовать, сдержать и воспитать силы міра, въ согласіи съ основной нравственной задачей человѣка; онъ хорошъ, поскольку онъ достигаетъ этой своей цѣли, а форма, въ которой онъ ея можетъ достигнуть, зависитъ, очевидно, отъ состава и качества того матеріала, который подлежитъ организаціи и упорядоченію. Какъ не возможенъ одинъ единственный школьный порядокъ, одна единственная система воспитанія, а достоинство порядка опредѣляется здѣсь тѣмъ, достигаетъ ли онъ своей цѣли — дисциплинировать учениковъ, приучить ихъ къ вниманію, труду, развить ихъ умъ и волю, что очевидно достигается разными мѣрами въ зависимости отъ возраста и духовнаго типа дѣтей, такъ невозможенъ единственный государственный порядокъ: хорошъ и необходимъ тотъ порядокъ, который лучше другихъ сумѣеть организовать данныя человѣческой матеріаль, обезпечить свободу, согласованность и духовную производительность даннаго народа на данномъ уровнѣ его духовнаго развитія. Мѣра дисциплины и свободы, опеки и самодѣятельности, единовластія и коллегіальнаго управленія, централизованности и децентрализованности, системы власти наследственной или власти избирательной зависитъ здѣсь исключительно отъ того, что въ каждомъ данномъ случаѣ и отношеніи, при данныхъ матеріальныхъ и духовныхъ условіяхъ, обезпечиваетъ порядокъ, въ максимальной мѣрѣ авторитетный и укрѣпляющій основы нравственной жизни. Здѣсь дѣйствуетъ одно только правило: «все испытывайте, хорошаго держитесь» (I Фессал. 5, 21). Всякое признаніе одного государственнаго порядка, одной формы правленія единственнымъ и абсолютнымъ добромъ, есть идолопоклонство, извращающее истинныя божественныя основы общественной жизни и необходимо — въ силу ненарушимости божественныхъ завѣтовъ — рано или поздно караемое общественными бѣдствіями.

С. ФРАНКЪ.